

ОТСТАВКУ

КАМЕЛЬ ТАУФИК

Рисунок Е. Шукасва

ЧАСЫ пробили десять. Чиновники быстро свернули газеты, которые они просматривали за своими столами, и напустили на себя деловой вид, будто и в самом деле только тем и занимались, что старательно изучали поступавшие в департамент бумаги. Приступ деловитости объяснялся просто: с минуты на минуту должно явиться начальство, его превосходительство господин заместитель директора департамента.

Его превосходительство господин заместитель директора приходил ровно в десять часов. За ним

шел дядя Шаабан, привратник его личного кабинета, неся большой портфель, набитый разными деловыми бумагами. Прежде чем добраться до своего просторного кабинета, где пол устлан роскошными коврами и в глубине красуется огромный дубовый стол, его превосходительство обязательно обходил канцелярии, чтобы поздороваться с подчиненными и проверить, все ли в порядке. Тщедушный, высохший, появлялся он в комнате, закручивая кончики своих пышных седых усов, а за ним неотступно следовал дядя Шаабан. Маленькие глазки его превосходительства зло и хитро поблескивали за большими стеклами очков, высматривая жертву, на которую можно тут же наброситься и уничтожить. Каждый из нас с трепетом и замиранием сердца ожидал конца этого визита и ухода его превосходительства в другой кабинет. Всем надоели его желчные наставления и придирки, нередко влекущие за собой увольнение того или иного застигнутого врасплох канцеляриста.

Заместитель директора уже заканчивал свое обычное турне по канцеляриям. Осталась еще одна комната в конце коридора. Войдя, его превосходительство обвел чиновников внимательным взглядом. Глаза его остановились на пустом столе: какой-то неудачник не успел занять свое место вовремя. Посмотрев на карманные часы и обратив многозначительный взгляд на «нерадивого», заместитель директора после должной паузы прошипел:

— Где ты был, эфенди, до сих пор?

—

— Ты что не отвечаешь? Тебя спрашивают, почему опоздал?

СБЕЖАЛ ОТ СМЕРТИ

ХУСЕЙН аль-КОББАНИ

ШЕЙХ СЕЙИД постоянно хвастал, что он мулла-проповедник в небольшой мечети на окраине города, в квартале, где живет простонародье. Я говорю «хвастал» потому, что не уверен, был ли он на самом деле муллой, или это просто обманщик, эксплуа-

тирующий веру и чувство верующих, чтобы обеспечить себе легкую, беззаботную жизнь.

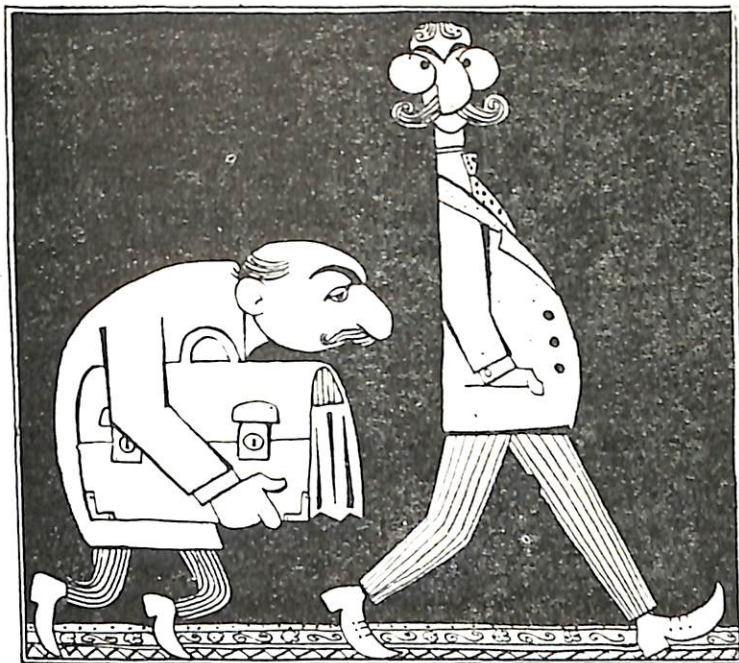
Рассказывая о нем, я вовсе не думаю обобщать, не собираюсь говорить, что все священнослужители таковы. Но известное обобщение я хочу сделать: это тип людей, которые еще копят наше небо и заставляют поразмыслить о себе как о явлении типичном.

Шейх Сейид лежал вместе со мной в больничной палате, вмещающей 22 койки. Он жаловался на воспаление печени. Должно быть, у него желчь просачивается в кровь, иначе отчего бы все его лицо — даже глазные белки — и ногти на руках стали темно-желтыми?

Был он низенького роста, бородатый, полный, кругленький, с

бородавкой на лбу — не иначе как от постоянных поклонов во время молитвы. Об этой бородавке он обычно говорил, что это — амулет, который предохранит его от адского пламени на том свете.

Я не замечал, чтобы шейх когда-либо уклонился от совершения намаза в положенное время, какие бы причины ни мешали этому. Но я не помню также ни одного случая, чтобы он во время намаза не совершил десятка совершенно лишних движений — а по шариату и трех вполне достаточно, чтобы осквернить молитву, сделать ее неугодной богу. Например, произнося положенные священные «такбиры» — восславление аллаха, шейх непременно поднимал руку, чтобы поскрести затылок или нос, или опускал ее,

— Ей-богу, ваше превосходительство, я не виноват... Я всю ночь не спал... У меня колики, резь в животе... — пробормотал канцелярист.

— Мне нет дела до твоих нелепых объяснений... Есть определенное, положенное служебное время, которое ты должен свято уважать... Вычет из жалованья в размере трехдневного заработка!..

Произнеся эту тираду и не слушая больше никаких объяснений, его превосходительство удалился в

чтобы почесать бедро. А уж если услышит во время молитвы голос проходящей мимо сестры милосердия или женщины-врача — обязательно обернется, чтобы «не пропустить смазливую женщину». И на раздатчика пищи посмотрит: полную ли порцию оставил тот у его постели, не обделил ли его молоком или кашей. И так до конца молитвы.

Шейх Сейид был ужасный обжора. Надо было видеть, как жадно ворочал он челюстями, с каким аппетитом поедал яства из больных гостинцев. Часть того, что получали больные из дому, непременно перепадала шейху. Я уж не знаю, что заставляло нас спешить сразу же после ухода родных и знакомых выделять ему «долю»: то ли это объяснялось

желанием получить благословение священнослужителя, то ли стремлением избежать назойливого взгляда его алчных, завистливых глаз.

Бывало, получив от кого-нибудь из больных кусок сладкого пирога, он жадно проглатывал его и при этом говорил, обращаясь к тому, кто угостил: «Я вам, брат, предсказываю: на том свете попадете вы в рай праведников с его изобилием яств и тенистыми кущами!» Однако не было случая, чтобы он поделился с кем-либо сам, угостил кого-нибудь из нас теми гостинцами, что иногда приносили ему.

Однажды его сосед по койке, старик-крестьянин, лежавший при смерти, умолял шейха одолжить ему немного варенья из больничной порции. Но шейх отказал ему

сопровождении дяди Шаабана, следовавшего за ним как тень с большим портфелем под мышкой.

На сегодня служащие отбыли неприятную обязанность лицезреть господина заместителя директора. Не то дядя Шаабан... Ему, бедняге, придется проводить начальника до его кабинета, потом идти на рынок за мясом и овощами к столу его превосходительства. Какое это мученье! Госпожа хозяйка, жена заместителя директора, наверняка, как обычно, так и сяк перевернет покупку и несколько раз пошлет его обратно к мяснику «заменить мясо». Она уж не пожалеет Шаабана, не посмотрит ни на возраст, ни на усталость! Дядя Шаабан услышит из ее уст немало упреков и строгих наставлений, если купленный им арбуз или дыня окажутся недостаточно зрелыми или недостаточно сладкими, по мнению хозяйки.

Дядя Шаабан просыпается с петухами, совершает молитву утренней зари, съедает свой скромный завтрак в обществе жены и сына и семенит в сторону Гизы, на квартиру его превосходительства Абдуль-Аля-эфенди, заместителя директора департамента по ведомству финансовых расчетов. Там он отправляется на кухню, готовит завтрак, кипятит чай, потом отводит детей заместителя директора в школу. Когда Шаабан возвращается оттуда, его превосходительство уже позавтракало и собираются идти в департамент. Шаабан берет их портфель и плетется следом, неотступно, как тень, сопровождая его превосходительство при обходе канцелярий. Затем он идет на рынок, оттуда снова на квартиру его превосходительства, а, возвратившись в департамент, снимает свой желтый пиджак и принимается

и, так как старик продолжал просить, прочитал гневную нотацию:

— Чего захотел, братец! Во-первых, это варенье предназначено для меня, во-вторых, это мое право — распоряжаться им, в-третьих, оно может повредить тебе; ведь сказано же в писании: «Не взирай на чужое...»

Тут другой больной, из каирцев, достал из своей тумбочки банку с вареньем, положил три большие ложки на блюдо и стал кормить совсем ослабевшего старика с маленькой ложечки. Однако шейх Сейид и тут не растерялся. Увидев эту сцену, он сначала пренебрежительно повел плечом, затем обратился к каирцу и, будто вспомнив что-то очень важное, сказал ему с деланной наивностью:

за уборку: натирает полы, чистит до блеска дверные ручки — и так до конца занятий в департаменте. Перед концом занятий Шаабан заходит в кабинет заместителя директора, берет под мышку его обремененный бумагами портфель и провожает его превосходительство, шаркающее мелкими шажками, до квартиры.

Дядя Шаабан всей душой завидовал чиновникам. Счастливы! Они по крайней мере отдыхают от лицемерия Абдуль-Аля-эфенди по праздникам и каждую пятницу, в выходной день. Ему же суждено сопровождать его превосходительство всегда и повсюду.

Но жизнь — как колесо. Она не стоит на месте. Все течет, все изменяется. Однажды в кабинете заместителя директора зазвонил телефон. Заместитель директора поднял трубку и вдруг... понизил голос. Звонил сам директор и требовал его к себе. Надо спешить. Но зачем бы он понадобился директору? Ведь он может биться об заклад, что всегда старался угождать начальству, ни в чем не прекословил!..

Директор принял его, ласково улыбаясь, сверкая белыми зубами. Заместитель директора по собственному опыту знал, что начальство зря не вызывает. Что-то нехорошее чувствуется во всем этом! За этой коварной улыбкой явно скрывается какой-то подвох!

Директор передал ему небольшую бумажку, несколько строк, и эти короткие строчки нервно заплесали перед его глазами, он никак не мог понять, что там написано, крупный пот показался на его лбу. Снова и снова читал он черные строки и понял

наконец, что его служебная карьера кончилась. Хотя он давно знал, что по возрасту ему скоро придется выйти в отставку, он никак не предполагал, что это событие нагрянет так внезапно, случится так скоро!

Его превосходительство сразу ощутил старческую дряблость во всем теле, почти беззвучно попрощался с директором и пошел в свой кабинет — готовиться к сдаче дел. Через несколько дней его уже не было в департаменте. По утрам служащие больше не прислушивались с ужасом к бою часов. Да и дядя Шаабан стал проводить свободное от службы время у себя дома, с женой и сыном.

Абдуль-Аля-эфенди покинул свою благоустроенную квартиру в центре города и переехал на окраину, на квартиру попроще и подешевле. В один прекрасный день он пришел в кассу министерства финансов за пенсией, но там ему сказали, что пенсия еще не выписана, и пришлось ему плестись домой, вспоминая былые дни, когда жалованье из кассы приносил ему в конверте тот же Шаабан!

На следующее утро он поплелся в департамент, чтобы узнать, почему задержалась ведомость на выдачу пенсии. Поднявшись наверх, Абдуль-Аля-эфенди приблизился к кабинету нового заместителя директора по расчетной части. Возле дверей кабинета, развалившись на стуле, заложив ногу на ногу, сидел привратник. Абдуль-Аля попросил разрешения войти. Отстранив его рукою, привратник уронил:

— Подождешь немного, его превосходительство заместителя директора заняты!

Взглянув ему в лицо, бывший заместитель директора Абдуль-Аля-эфенди узнал дядю Шаабана, бывшего своего сторожа и слугу.

— Слушай, сосед, что это у тебя за варенье? Мы даже не видели его до сих пор и совсем не пробовали!..

Покормив старика, каирец многозначительно улыбнулся, пошел к тумбочке шейха Сейида и стал накладывать варенье в его блюдец. Шейх при этом как ни в чем ни бывало — воплощенная беспечность! — произнес нараспев на манер священного изречения: «Накладывая варенье, о брат, не забудь упомянуть имя божье и семерить повторенье», — намекая на желание получить не менее семи ложек.

Не помню также ни одного случая, чтобы шейх чем-нибудь услужил кому-либо из больных. Наоборот, зачастую он издевался над тяжелобольными и предве-

щал им скорый переход «из бренного в вечный мир».

Несмотря на свою бородавку, несмотря на щетинистую бородку, покрывавшую его довольно безобразное лицо, шейх был сластолюбив, постоянно пиялся на уборщиц, сестер милосердия, женщин-врачей — словно никогда не видел женщин!

Мы, больные, особенно те, кто, как и шейх Сейид, считались ходячими, старались уйти в коридор, когда зайдут, бывало, уборщицы мыть полы или протирать окна, чтобы не смущать их. Что же касается нашего шейха, то он в такие дни нарочно укладывался в постель и таращил из-под одеяла свои бессовестные глаза, следя за каждым движением бедняжек. Заметив эту его привычку, жен-

щины всеми силами старались не поворачиваться к нему спиной, чтобы не дать ему возможности видеть их в неловкой позе во время мытья полов.

Частенько мы подбивали шейха на разговор о женщинах, спрашивали у него, как у священнослужителя, в каких случаях, по его мнению, шариат разрешает смотреть на женщин и когда это абсолютно запрещено. Особых стараний тут не требовалось — мы с удивлением обнаружили, что шейх весьма охотно откликается на эту тему. Он с большим удовольствием пускался во всевозможные рассуждения о женщинах, без стеснения рассказывал о своих

(Окончание см. на стр. 58)

СИНГАЛЬСКАЯ СВАДЬБА

3. МАТЮШИНА

ВТИШИНУ тропической ночи неожиданно врываются звуки барабанов, смех, громкий говор. «Что это? — спросит недоумевающий приезжий. — Не сон ли?» Но оказывается, что нет. Идет обычная свадебная процессия. «Но почему же ночью?» — удивитесь вы.

«Так предсказал астролог», — объяснят вам.

На Цейлоне, как, впрочем, и у любого другого народа на земном шаре, есть свои свадебные законы и обычаи. Здесь существует своего рода культ брака, семьи. И хотя женитьба на Цейлоне, как правило, связана с немалыми затратами, которые особенно тяжело отражаются на бюджете бедняка, в стране редко можно встретить человека, не состоящего в браке. Вступление в брак считается как бы своеобразной религиозной обязанностью. Интересно также, что сингалы во многом сохранили почти без изменения свои свадебные обычаи, возникшие еще в глубокой древности. В подавляющем большинстве юноши и девушки не сами выбирают себе спутников жизни. За них решают родители. Авторитет родителей в сингальских семьях стоит очень высоко, и их слово обычно является законом. На Цейлоне бытует поговорка: «Мать, кокосовая пальма и корова — три священных понятия для каждого цейлонца».

В одном из южных городков острова нам посчастливилось присутствовать на традиционной сингальской свадьбе. Кстати, по обычаям страны, на свадьбе могут присутствовать все желающие. Буддийские же священники участия в свадебном обряде не принимают. Жених и невеста посещают буддийский храм накануне бракосочетания. И еще одна интересная деталь: в отличие от стран Среднего и Ближнего Востока на Цейлоне приданое для новобрачных (землю, буйволов) готовят не родители жениха, а родители невесты.

Итак, как же проходила эта брачная церемония? В глубине двора был установлен деревянный помост, на котором были насыпаны две горки риса и мост, на котором были уложены листья бетеля. Смесь этих пряж аккуратно уложены листья бетеля. Смесь этих пряж, острых на вкус листьев с кусочками семян арековой пальмы употребляется цейлонцами в качестве жвачки. Все это было прикрыто циновкой. По четырем углам помоста стояли глиняные плошки. В них в течение всей церемонии ярким пламенем горело кокосовое масло.

Рядом с помостом стояли торжественные и взволнованные жених и невеста. На ней было белое, спускающееся до пят, национальное платье — сари, на нем саронг — прямая, обтягивающая тело и ноги узкая юбка, поверх которой была надета белая рубашка. Но вот жениху и невесте делают знак, и они поднимаются на помост. Затем один из старших родственников со стороны невесты (как нам сказали позднее, то был ее дядя) соединил большие пальцы вступающих в брак, перевязал их шнурком и покропил водой. С этой минуты жених и невеста стали мужем и женой — своеобразная регистрация брака состоялась. Официальная часть свадебного обряда закончилась, но церемония еще продолжалась.

Жених и невеста, а точнее теперь уже муж и жена, еще долго стояли на помосте, а все присутствовавшие на свадьбе родственники и знакомые медленно проходили мимо них и желали им всяческих благ и счастья. Молодой супруг передавал своей жене листья бетеля, а та, в свою очередь, вручала их каждому из поздравлявших. После того как персональные поздравления были закончены, все присутствовавшие еще раз хором пропели девять различных поздравительных гимнов и напутствий, и молодая чета в сопровождении родственников и знакомых отбыла в дом жениха. После традиционного пиршества гости разошлись, и в доме, кроме новобрачных, на ночь остались лишь дядя невесты и его жена. Наутро все родственники и знакомые снова собрались, но на этот раз уже по приглашению жениха, для того чтобы закончить свадебный пир, начатый накануне, и еще раз пожелать молодым супругам счастья и долголетия. Так справляется на Цейлоне традиционная свадьба.

Правда, в последние годы в некоторых сингальских семьях, особенно это относится к юго-западной части острова, где цивилизация значительно выше, чем в центральных районах страны, начали отходить от древних традиций и обычаев. Все чаще стали заключаться браки по взаимному согласию жениха и невесты. В горных же районах страны старинные обычаи и нравы сохраняются почти нетронутыми и по сей день. У «горных» сингалов, например, распространены две формы брака. По браку «бина» муж переходит жить в дом жены, не приобретая никаких прав на имущество, принадлежащее ей или ее родным. По браку «дига» жена переходит жить в дом мужа, принося с собой приданое и лишаясь права наследования имущества после смерти своих родителей. В недавнем прошлом у «горных» сингалов встречались иногда случаи многоженства (по-сингальски — «икогейкем», что значит «кесть из общего котла»), когда несколько братьев, не желая дробить свое хозяйство, брали в дом одну жену.

К сожалению, в настоящее время еще немалое значение при заключении браков придается предсказаниям астрологов, составляющих гороскопы жениха и невесты. «Ваши звезды не сходятся», — заявляет астролог, и молодые люди, горячо любящие друг друга, часто не решаются вступать в брак. Астролог определяет и время свадьбы: оно может быть и в 12 часов ночи и в пять часов утра. Поэтому здесь ни у кого не вызывает удивления, когда приходит приглашение на свадьбу на три часа ночи. И если приезжему на Цейлон странно видеть свадебную процессию на пустынных улицах ночного города, то местными жителями она воспринимается как вполне закономерное явление. К нашей великой радости, нам удалось присутствовать на дневной свадьбе. «Ваша звезда оказалась более счастливой, раз вы получили приглашение на два часа дня», — шутили наши цейлонские друзья.